

Легкое пушкинское перо впервые в русской словесности очертило живописные контуры Пятигорья. На кавказских Горячих водах поэт провел почти все лето 1820 года. Сюда он приехал с семьей генерала Н.Н.Раевского. С его младшим сыном Николаем, офицером лейб-гвардии Гусарского полка, поэт познакомился еще в лицейские времена. «Два месяца жил я на Кавказе, — сообщает он в письме к брату Льву, — воды мне были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно серные горячие». Здесь же, под сенью пятиглавого великана Бештау, у Пушкина зародился замысел поэмы «Кавказский пленник». Сюжет ему подсказала разгоравшаяся на Кавказе война.

Упомянув в Посвящении к поэме название горы Бештау, Пушкин счел необходимым сделать особое примечание: «Бешту, или правильнее Бештау, кавказская гора в 40 верстах от Георгиевска. Известна в нашей истории». Прекрасно знавший русскую историю Пушкин не ошибается: первые упоминания о Бештау встречаются (наряду с названиями Бештов, Бештовы горы, Пять гор) в русских летописях и ряде исторических документов.

«над» крутыми горами Кавказа можно, пожалуй, в одной только точке Пятигорья — именно на вершине Бештау. «На скате каменных стремнин» — это, несомненно, каменные осыпи и обрывистые склоны, которые приходилось преодолевать поэту и его спутникам при подъеме на «острый верх» главного купола горы.

В Посвящении к «Кавказскому пленнику», обращенному к Н.Н.Раевскому-младшему, Пушкин вполне определенно говорит о том, где возник замысел поэмы, называя этим местом Кавказ,

Где пасмурный Бешту,
пустынный величавый,
Аулов и полей властитель

ему пору юности. На страницах его путевого дневника название горы встречается трижды. Еще от Георгиевска поэт «увидел острокопечный Бешту», окруженный Машуком, Змеиной и Лысой горою — как царь своими вассалами». В другом месте он употребил эпитет «величавый» и эти находки использовал позже — в стихотворных «Отрывках из путешествия Онегина» и «Путешествии в Арзрум»: «С грустью оставил я воды и отправился обратно в Георгиевск. Скоро настала ночь. Чистое небо усеялось миллионами звезд. Я ехал берегом Подкумка. Здесь, бывало, сживал со мною А.Раевский, прислушиваясь к мелодии вод. Величавый Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении,

«БЫЛ НОВЫЙ ДЛЯ МЕНЯ ПАРНАС»

Грандиозное величие Кавказских гор, казавшихся поэту «недвижной цепью облаков», произвело на него неизгладимое впечатление. В письме к Н.И.Гнедичу с оттенком сожаления Пушкин вспоминает, что «с вершин заоблачного бесснежного Бешту видел... только в отдалении ледяные главы Казбека и Эльбруса». Не имея возможности приблизиться к этим главным исполинам Кавказа, поэт все же не упустил случая покорить все доступные ему тогда вершины Пятигорья, несмотря на летний зной, он проявил себя как неутомимый путешественник и восходил, как сам отмечает в письме к брату «на острый верх пятихолмного Бешту, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной». Подобные экспедиции были в те времена небезопасны и совершались, разумеется, не в одиночку, как правило, верхом. Семью генерала Н.Н.Раевского в поездке на воды сопровождал, например, надежный казачий конвой. Вот как описывает сам генерал стоянку у «железного горячего ключа, в Бештовой горе находящегося»: «... Четвертый день, как мы здесь... купаемся. И я немного пью воду. Здесь мы в лагере как цыгане, на половине высокой горы. Десять калмыцких кибиток, тридцать солдат, тридцать казаков, генерал Марков, сенатор Волконский, три гвардейских офицера... составляют колонию. Места так мало, что 100 шагов сделать нигде — или лезть в пропасть, или лезть на стену. Но картину перед собой имею прекрасную, т.е. гору Бештовую...»

Очевидно, что именно из-за решимости 49-летнего генерала «лезть на стену» могло совершиться в один из июньских дней 1820 года путешествие на вершину пятиглавого великана.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПОЭТА НА КАВКАЗ

Вид Бештау около Железноводска. Рисунок М.Ю.Лермонтова, 1837г.

«При первом хорошем дне положено ехать на верх шпиза Бештового, с которого верст на сто открывается на все стороны», — пишет Раевский дочери Екатерине. А в конце июня упоминает об уже состоявшемся восхождении: «ездили мы на Бештовую высокую гору...»

У жителей равнинных областей России вид Бештау вызывал невольное восхищение. У Пушкина Бештау предстает как «пятихолмный», «заоблачный», «острокопечный». Дважды упомянув о восхождении на Бештау в письмах, он запечатлел это событие и в поэтической форме в эпиглоге «Руслана и Людмилы», написанном на водах:

Теперь я вижу пред собою
Кавказа гордые главы,
Над их вершинами крутыми,
На скате каменных стремнин,
Питаюсь чувствами немymi
И чудной прелестью картин
Природы дикой и угрюмой...

Ощутить себя находящимся

Был новый для меня Парнас.

Эти строки не только отдадут дань признания краю, подарившему поэту минуты высшего вдохновения, но содержат и невольное пророчество: под сенью Бештау творили потом Лермонтов и Лев Толстой, создавшие вслед Пушкину свои произведения. Но он первым начал эту горькую тему — трудных отношений русских с горцами, открыв для нее сюжетную ситуацию, ставшую классической в русской литературе. Работая над поэмой, Пушкин возвращался мыслью к тем дням, что провел среди картин «природы дикой и угрюмой», и перо его не раз выводило на полях рукописи то дорогой сердцу профиль, то очертания крутых, каменистых склонов Бештау.

В 1829 году по дороге в Грузию Пушкин вторично побывал на Кавказских водах, где провел несколько часов, напомнивших

окруженный горами, своими вассалами, и наконец исчез во мраке...»

Сюда же, на берега Подкумка, Пушкину приводит и путешествующего по России Онегина:

Уже пустыни сторож
вечный,
Стесненный холмами
вокруг,

Стоит Бешту
острокопечный
И зеленеющий Машук...

В рукописях поэта сохранились отрывки и многочисленные планы романа, действие которого должно было происходить на Кавказских водах. В основе авантюрного сюжета — любовная интрига с похищением, дуэлью, кавалькадами, нападениям черкесов. Как видно из

записей, один эпизод романа — прогулка верхом — протекает близ Бештау. Название горы упомянуто и в единственном известном письме Пушкина в Пятигорск от 14 марта 1836 года. Адресовано оно историку казачества В.Д. Сухорукову и содержит просьбу о присылке в «Современник» его статей: «В самом деле, пришлите-ка мне что-нибудь из ваших дельных, добросовестных, любопытных произведений. В соседстве Бештау и Эльбруса живут и досуг и вдохновение...»

Рядом с заснеженными исполинами Кавказа высота Бештау не велика — всего 1400 метров над уровнем моря. Но Пушкин назвал эту гору новым Парнасом. Как говорится, выше — только Небо.

Николай МЕРКЕЛОВ.
главный хранитель Государственного музея-заповедника
М.Ю.Лермонтова.

ПЯТИГОРСК.